

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Володя Егоров ИГРА

Володя Егоров

Игра

«Автор»

2021

Егоров В.

Игра / В. Егоров — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-92756-8

В этот сборник стихотворений вошли произведения 1995-2021 годов. Джим Моррисон заснул в Калифорнии на пляже и проснулся на берегу реки Шелонь в Псковской области. Ангелы, клоуны и оранжевые коты бродят верлибрами по Питеру в окружении подсолнухов и рыб. Убийца путешествует на 34-м троллейбусе в поисках неслучайной жертвы или покупает цветы у метро. Лошади бродят по Миллионной, автор курит вишнёвый табак и разговаривает с зеркалом. Море любит и безмолвствует. Любовь никогда не перестаёт. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-92756-8

© Егоров В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Игра	5
Оранжевое и Зелёное	14
Иди Одна	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Володя Егоров

Игра

Игра

Ночь падает за край.
Кружится, кричит и пугает.
Серебристый ручей несет тебя
В черные норы, где голоса и умершие.

* * *

<Я не знаю, я не знаю.
Тот, кто привел нас сюда,
уходит в дальние комнаты;
смех рассыпается в открытые двери,
стоит у горла, ждет.>

* * *

Волшебник! Ты спрячешь на дне своего глаза
Крылья сокола и звон колокола,
Слышишь серебряную мозаику эха
Монеты, падающей на дно колодца.

* * *

Узора луч блистал
Сквозь сон лазоревый,
Осенним вечером
<В ладони площади>
Хрустальным странником
И голосом часов.

* * *

<Белые кошки с голубыми глазами глухи. Пожалей белую кошку, и она принесет тебе сон.
Ты можешь идти за мной (или убить меня)ночь возьмет тебя, беспомощного, и унесет за край.
Лунный странник! Твоя сталь звонка. Вернись в мамину комнату, вспомни запах ее духов
– усни, усни...
Прикосновение белой кошки; соскользни в вечерние сумерки, пусть ласковый поток
несет тебя до утра.>

* * *

Ты стоишь на балконе, властелин фиолетовой тучи
И ты смотришь, как ранние сумерки лета
Застилают глаза одинаково странным
И медлительным черно-белым прохожим.

* * *

Сон ли, смерть?
Воск, воск, молнии.
Вечно переливаться в безмолвии
Под чертогами туч, не смеющих тронуть меня,
Но смеющихся.

* * *

Ты возьмешь мой сон,
Унесешь домой
(черная лиса
гложет небеса)
Расскажи мой сон
В бархатном лесу;
Стань моей сестрой,
Когда я умру.

* * *

Что с тобой?
Ветер унес
Серебряный сон;
Остался лишь звон
И шаги во дворе.
Откуда летят
Птицы дождя?
Их полет, разговор и Город.

* * *

Путник спускается с холма,
Он начинает говорить,
И мы засыпаем.
Сны плывут по воде,
Краски путаются, мешаются,
Танцуют.

* * *

Мы идем к Дому Предков,
Тайные Господа,
Невидимые и всезнающие.
Голоса веют сном
Над узкой тропой
В пустыне.

* * *

Лунный странник в царстве стали,
Ты стеклянный, я в печали,
Ночь дождлива, в доме тихо
Дремлют глиняные боги.

* * *

Ангелы, странники, шуты
Несут твой гроб.
Ты идешь впереди,
Слышишь музыку,
Тебя радует солнечное сияние.
Тебе не странно, что тебя пригласили
На собственные похороны?
Оркестр играет,
Тело несут
Руки друзей.
Нет. Нет. Нет.

* * *

Солнечная деревня,
Старуха зовет тебя есть
Ветер колыхал цветы,
А тебя больше нет?

* * *

Сны из воска, солнечная река.
Путешественник,
Уснувший и не увидевший нового света.
Кто дал мне голос, тих и черен.
За границу листа, где только
Странники и умершие.

* * *

Тягучие гласные, аллитерации.
Голоса рассыпаются
На свет и звон.
Тот, кто идет по твоим следам,
Оставляет дверь открытой.
Они входят -
Ты позвал их на праздник,
а где музыка?

* * *

Убийцы детей, их много здесь.
Открывается занавес, они на сцене,
Их искусство в цене;
Между нами – стекло, но они лишь призраки,
Игра светотени.
Встать! Входит суд,
И похороны начинаются.

* * *

Я – сын Солнечной птицы,
Клоун новой Игры,
Пес весеннего солнца.
Мы начинаем Игру.
Все билеты проданы.

* * *

Восемь смертей есть у меня:
Одна – у тебя под сердцем,
Одна – в роднике,
Одна – на вечернем небе.
Игра – найти остальные пять.

* * *

Мы верим в рождение зверя,
Поклоняемся на берегу реки.
Когда я убил тебя,
Ты была в черном.

* * *

Спрячь меня, дай мне другое имя,
Я невиновен, я – посторонний,
Я ангел, я странник, я шут.
Вода идет по следу,
Туда, где еще не был,
Слышу лай лисиц,
Прячусь в норы,
Становлюсь узором.

* * *

В моем саду – голос птицы,
Ее глаза, ее крылья.
Дорога в горы, ворон(Адам).
Старуха спит, река глубока
(Жужжанье жуков, ход паука.)
Ее настоящее имя.

* * *

Когда он рассыпался на шары,
Пауки растащили их,
Посадили и вырастили.
Поклоняясь ему,
Дворники украшают стены,
Псы принимают подношения.
Вечерами нас пускали
Смотреть рыб в аквариуме,
Учили поклоняться воде
И толкованию снов.
Псы бесновались, и он
Спрятал нас в своем чреве,
Нагих и беспомощных.

* * *

Действие чудесно предвосхищает будущее
Или заменяет его.

* * *

Ширмы вышиты солнцем и травами,
Отраженьями твоих глаз и в твоих глазах.

* * *

Ящерицы – чудесные существа,
Снующие в сумерках,
Несущие сны.

* * *

Волшебник! В твоих глазах
Мосты отражаются и дрожат
(Узор раскрывается и снова свивается в кольца).

* * *

Взяли веревку,
Завязали на ней узелки -
Получилась гитара.
О ней забыли,
А небо сжалилось -
И подарило свой кров.

* * *

Небо несло следы
(там, где нет меня)
Пауки ловят Ворона,
Ворон не прост,
Клонит день,
Манит сном.
Пауки клокочут;
Ночь прячет их
(Пустой сон).

* * *

Магия символов, повествований и снов,
Предрождение и жизнь после смерти -
Карточные фокусы,
Черная кошка в темной комнате.

* * *

Старая история: один человек увидел во сне, что ему отрубают голову, и сразу же умер. Сомнений не было, пока кто-то не спросил, откуда мы знаем сон мертвеца. После возникли опасения – жив ли рассказчик, живы ли мы?

* * *

Учитель хочет, чтобы ты нашел путь сердца в городе золотого песка. Приближаясь к окраинам, ты превращаешься в рыбу, сияющую, как солнце. Тебе уже поклоняются; чешуя твоя крепче стали.

За окраинами – заброшенные дома, все рассыпается; тебя зовут голоса. Твоя башня падает, и мы остаемся одни, держа на ладонях клад и хохоча, как безумные.

* * *

Я был великолепным Голым Королем, восхитительной рыбой; вечером я засыпал и видел сны о громадном море и тысяче рыб в нем; о народе, живущем на берегу и ловящем рыб из поддельного золота – желания исполняются тут же; сети сплетены из слов, дни – из множества отражений дна.

* * *

Играли молнии, камнями полнили,
И небо выросло – немое, медленное.
Сквозь солнце сыплется
На землю бликами,
И глаз моих слюда
Блестит, как зеркало.

* * *

Я мог бы принести в центр круга птицу и убить ее там; но птицы хитры, я тоже ушел; на лестнице страшно, дома темно. Кто найдет меня и кто убьет меня?
Пыль ли, дым?
Сто церквей, ангелы;
Колокола говорливы
Упали и умерли.
Рыбы пугливы и малы, лиц нет у них.
Можешь сделать из ночи чудовище или чудесное дерево; но ты никогда не войдешь в комнату, пахнущую мамиными духами(до самой смерти), и смерть твоя будет – как ад.
Если ты сложишь из осколков мой путь, тебе не будет равных.
Ты можешь закричать или отвернуться, если ты внутри, войти, если ты вовне.

* * *

«... И тогда ты попадаешь в изменчивый, текучий мир; демоны отчаяния испытывают тебя, ты вынужден отправиться в плавание для того, чтобы остаться на месте и оглядеться. Сквозь вуали снов ты видишь того, кто прячется за краем и смеется. Реальность расслаивается и ты не знаешь, где ты (...) Черные насекомые расправляют крылья, летят над рекой, гудят, затмевают солнце.

Все медленно погружается во тьму...»

Небо сплетено из бересты; ты появляешься в хрустальном мире, часы бьют – час, другой, – путешествие начинается.

Дерево смерти: семя в твоём зачатъе, росток – в появлении на свет.

Ветер ласкал вислы, нес Ворона, прятал в шорохи танцы ящериц.

Танцы их сказочны; только сны способны научить им.

* * *

Колос, сокол, ладонь.

Кто бьёт с колокол?

Молоко рокота слов

Или Король?

(Гроза)

* * *

Раскрыться подсолнухом

Сквозь восковое позавчера,

Или воздухом вечера

Нести запахи и лепестки

В <опасное> завтра?

* * *

Если у тебя есть лицо, покажи его.

Ты видел меня во сне,

Я как вода между камней,

Теку в море, где спят рыбы,

Большие рыбы с белыми глазами.

* * *

Кролик – вестник рокировки Короля.

Вестник Королевы – Единорог.

* * *

Они могут дать тебе силы – если

Ты станешь подобен им -

в искусстве танца

или чуде создания.

* * *

...И тыходишь в пустую комнату,

Где горит огонь;

Рядом твои друзья, жена на сносях.

Ты войдешь с холода,
Выпьешь воды и уснешь,
Но они останутся.

* * *

Спящую, играющую,
Твои руки, движения.
Никто, Никто.
Эхо пугает и настораживает;
Чужой город.

* * *

Перун умер.
К чему драться за корону?
Оставь мне Ворона,
И я пойду домой.
Кому <есть> дело до рун Одина?

<1995–1996>

Оранжевое и Зелёное

Началось

В ловушку из слов, вечером, когда был дождь и оранжевые фонари, и голоса внизу: заклинание, некий набор слов – пускай только гласные и «М», не важно;
то, что осталось <не было> – проснуться ночью, когда есть только желание и <опять ловушка>.

Сделать из голоса поток (оранжевого и зеленого), без словарей и не говорить правду (слово), а просто говорить.

Февраль

Вечером февраля в холодном автобусе попытаться остановить оранжевую реку внутри своего глаза -

и изморозь, и узоры (переливаются); было бы все равно, кто звонит мне, и где я был, когда началась осень из оранжевого вечера вчера;

и она говорит мне о зеленом городе (когда она была молодая) и о птицах, которые сидят на спинке кровати и не хотят улетать, пока кто-нибудь не умрет в твоём королевстве, и о черном короле и зазеркальном лабиринте

(человечек заводит граммофон и люди на площади танцуют)

и кружится, кружится, но никогда не возвращается обратно.

Иногдавечером

Где-то в Шотландии ты видишь, как птица садится тебе на руку (как вертится твоя голова),

звон рассыпается, и ты встречаешь очередного всадника без лошади между блюзом и ужином в половине первого,

и звонит телефон, и из трубки сыплются знаки препинания;

после того, как я ухожу, нужно проветривать, чтобы расползлись черепахи, и ты могла уснуть;

все-таки в углу на кухне спряталась одна блюзовая фраза в полдвенадцатого, странники телефонной книги и кусочек вечера (иногдавечером...);

Королева Оранжевого и Зеленого, ты носишь что-то в кармане, и одна из моих смертей (голова на двух ногах);

когда от тебя не останется Ничего, они найдут еще один скелет в чулане, середина дня.

Май

Ты ли из оранжевого вечера вчера и рыбами и звенят трамваи и май на ладони блестит и кажется холодным и –

не улетай (странники телефонной книги и стеклянный прискорбыш)

одиннадцать – говорит радио и кипит чайник.

Вечер на площади и заходит солнце и я смотрю в окно <начинается пустыня> – она растет из оранжевого вечера, и я слышу, как поворачивается ключ в замочной скважине, и рыбы глотают огни

и сумерки и туман и гудит колокол и стемнело,
на потолке ползут огни (я закрываю глаза)
и в форточку всплывает огромная рыба.

Октябрь

Октябрь, октябрь как конец сна, странники и полные карманы времени; пурпурные рыбы, серебряные – утро;

и из угла в угол, и входит кошка, и небо лежит на ладони и кажется холодным,
и (начинается) странствие на оранжевых черепахах через весь день, но никогда не называя по имени;

за дверью прячется Убийца, я вижу его тени

и становится холодно и собирается дождь и у меня на ладони и странники телефонной книги и стеклянный прискорбыш.

Клоуны

Приезжает Цирк Стеклянного Человечка, говорит радио
и клоуны идут по площади и смеются – оранжевые клоуны, зеленые клоуны;
все троллейбусы идут на небо, говорит Черный человечек,
и я сажусь в троллейбус, и троллейбус ломается –
потому что утро и голос блестит и идет дождь
(желтое, синее, белое) и полные карманы гласных;
какая самая вкусная буква – спрашиваю я тебя,
и ты говоришь— «М»;

и уже полдень и гудит колокол и сияние после дождя;

я ищу телефон Пурпурного Генерала -

он уже повесился, говорит мне оранжевая женщина;

и время катится по улицам

и клоуны промокли, говорит Черный человечек,

пусти их погреться (так и говорит), и начинает крутить ручку граммофона – раз-два-три -
и у него полная голова улиток и улитки расползаются по небу и дождь прекращается.

Оранжевые странники и свой собственный

Медным голосом из Оранжевого и Зеленого возвещает сумерки – я слышу, как идет электричка

и сверкают лампочки и кто-то говорит на балконе этажом ниже,

и ты вынимаешь мои глаза

и снимаешь мою шляпу

и делаешь из моего рта пепельницу для случайных гостей;

у стен есть рты, которые говорят говорят говорят всю ночь;

оранжевые странники въезжают в город на жестяных автомобилях, и у них есть своя ночь под полями шляп,

там же прячутся искрящиеся существа и бабочки;

и в сумерках, и игры голоса, и монгольский хан в центре города и на берегу,

и я – в нескольких сантиметрах к югу от твоего правого глаза,

и ты вроде как луна, и у меня в саду полный колодец гласных из Оранжевого и Зеленого,

и время растягивается, и пауки плетут паутину
и Черный человечек прыгает до неба и звонит в колокол –
вечером возле ручья из гласных ели печаль (она была сладкой)
и нет хрусталя в моем голосе;
ты закрываешь глаза
у меня есть янтарные бусы и свой собственный.

Расстроенное пианино

Господин своего голоса и властитель пустых комнат и расстроенного пианино, но не тебя пытаешься найти дорогу в сумеречные земли, но Оранжевое и Зеленое – это все, что ты видишь;

в сумерках хожу из угла в угол и возвращаюсь вечером, когда звенят колокола;
(Сон Черного Короля)
и человек без глаза и человек безо рта
(когда у тебя полная голова мух и ты боишься открыть глаза);
человек идет за апельсинами и попадает под машину –
перед самым Рождеством;
Ангелы, странники, клоуны – идут через двор,
входят под арку и оказываются в ПУСТЫНЕ.

Пугало

Мои глаза лежат на столе,
я стою на холме и вращаюсь, вращаюсь,
все реки текут вниз, вниз, вниз,
мои глаза сделаны из изумрудов и слюды;
пыль и пепел, волшебные и расцветенные оранжевым твоего позавчера;
я начинаю говорить и пепел падает на пол, и начинается зима и гости уходят, все гости уходят, оставляя запах пепла и шляпы на вешалке,
и дедушка подходит к телефону и говорит – слушаю,
и я посылаю письмо на небо, и Убийца наконец-то подбирает ключ;
в это время зажигаются оранжевые фонари, и он входит в комнату (он ступает бесшумно),
он подходит к столу и берет мои глаза
и он тащит меня за тряпичную ногу по полу,
бубенчики переливаются перламутром и падают в вечер,
на площадь, откуда ушли клоуны, и рассыпаются в переулках смехом и голосами,
и хлопают двери и начинается радиопередача об оранжевых странниках Сейчас;
сквозь сумерки по асфальту тряпичным лицом,
и на площади около фонтана я слышу как падает вода,
и ты находишь меня и оба глаза,
и ты тоже на холме и
вниз, вниз, вниз, куда вечером летят вороны и
– слушаю, – говорит дедушка,
и у него в кармане свистулька, и он манит птиц,
и птицы прилетают и говорят, говорят, говорят;
я лежу на полу и чувствую оранжевый ветер сумерек в июле,
и на груди у меня ворон Адам;
я закрываю глаза, и он тоже начинает говорить.

Комната, пахнувшая мамиными духами
Кружится, кружится, но никогда не вернется назад,
в комнату, пахнущую мамиными духами, в кукольный дом, где я лежу на полу, без кондукторов и Пурпурного Генерала;
просто одиннадцать, говорит радио, и растворяется сахар,
и небо пахнет печалью,
и теплый чай и желтая лампа и голос,
свернувшийся на кровати клубком и тихо мурлычущий.

Dusty Rats

Заводные божьи коровки и металлические крысы;
я слышал, как остановилось сердце, когда выключили электричество;
мама, мама, говорит человек на заре, и ты знаешь, ты ведь всегда знаешь;
из Оранжевого и Зеленого – мои глаза,
и кошка прыгает мне на колени;
раскрой его – говорят изумрудные голоса, и ты садишься на поезд и едешь, едешь в полнейшей тишине;
в калейдоскопе кружится Оранжевое и Зеленое – узоры, узоры; пейзаж подчиняется движениям твоей руки –
ты ведь была здесь не один раз.

Королева

Королева с апельсиновым ртом и/или мои влажные сны в середине мая;
начинается вечер, и кто принесет мне сон,
ведь иногдавечером...
И ты меняешься вместе с пейзажем
(демоны твоего сна и пурпурный конь)
и/или в другой вечер/после дождя/в оранжевый четверг
я нахожу свой глаз у тебя в кармане, между поцелуем и носовым платком;
Черный Король/Черная Королева и рассказчик историй в медный полдень
в сентябре на Петроградскую сторону сумерек;
ящерицы прячутся в щели, и я знаю, что происходит/всегда знаю, что происходит,
и ты приносишь забытую шляпу и роняешь пепельницу
и она разбивается, и ящерицы уносят осколки в еще один вечер;
телефонная женщина и почтовая женщина берутся за руки и выходят, я закрываю за ними дверь ключом Убийцы, который решил-таки навсегда покончить с моим колокольчиком;
наступает утро, и ты путешествуешь из безрадостного края в безрадостный на троллейбусе,
к тебе подходит оранжевая женщина (у тебя в руке банка хохота), и ты согласна отдать ей все, лишь бы не превратиться в ящерицу;
путешествуешь из настоящего в настоящее с мертвыми часами на руке,
лучники и контрабасисты приходят навестить тебя, а у тебя нет пепельницы,
и ящерицы уносят стрелы и контрабас;
я прячусь в углу и смеюсь – ведь у меня есть целая банка хохота,
и ты пришиваешь на место мой глаз;
из Оранжевого в Зеленое за каких-нибудь полчаса
и ты падаешь – вниз, вниз, вниз –

на холодную, холодную землю
из-под купола цирка на площади,
и клоуны прощаются и уходят;
один из них, в фиолетовом пиджаке с бубенчиками, забывает свою шляпу и, не доходя
даже до середины площади,
растворяется в оранжевом вечере (и наступает вечер);
колокола бьют восемь, рыбы заглатывают фонари и дождь прекращается;
ты превращаешься в Оранжевую Страницу Никогда,
и ящерицы бегают по твоей комнате, где только расстроенное пианино и кусочек грозы;
– странствие начинается – говорит радио из угла;
ты открываешь окно и слышишь, как капает с крыши и хлопают двери;
сумерки сплетены из слов и прикосновений и у тебя всегда найдется что-нибудь новень-
кое, ты ведь теперь Королева Ящериц?
Но найдется ли кто-нибудь в твоём королевстве, кто сможет превратить вечер?
Когда-нибудь утром ты найдешь мертвеца в своих владениях.
Не удивляйся, если это буду я;
Ночь – это чудовище, которое отгрызает кусочки снов и делает их твоим завтра;
и через четыре и призраки и голоса и скелет в чулане.

Черепахи

Оранжевые черепахи падают в Ла-Манш и никогда не возвращаются Садовой улицей
после полуночи в Новый Год;
из подъездов высыпаются гласные, и ты поднимаешь их с асфальта и пытаешься отогреть
(твои губы и голос),
и держишь на ладони пурпурное «М»;
никогда не останавливайся, ОК?
(Через четыре) отвечая на телефонные звонки и пряча мертвеца под роялем, пытаешься
не выронить рассыпающиеся на гласные и «М» слова и
голос сворачивается клубком и мурлычет;
заводные игрушки двигаются в пустой комнате -
я, внутри своего глаза и ты, Оранжевая Страница Нигде.

Апельсины

Апельсиновые деревья; вечер на площади, когда нет Оранжевого и Зеленого и так легко
говорить;
ветер желания, ангелы для тебя и голос в центре пульсирующего Ничто;
не останавливаться и смотреть, как разлетаются блески,
и ветер,
и из открытой форточки пахнет апельсинами;
ты ждешь возле зеленой реки, на дне – странники, и они смотрят на тебя – и гул, и отра-
жения;
еще четыре; везде четыре.

Ветер Желания

И ты падаешь в море Оранжевого и называешь ледяной поток, спускающийся с гор

и/или вынуждена выдумывать новую игру – как сон о захлопнутой двери или погружение в море <оранжевого>
и блуждания по узорам <мне кажется>
так можно создать движущуюся картинку
<ОК>
трамваи везут тебя в центр, и ты знаешь, что будет через пятнадцать минут <рекламный человечек об этом позаботился>;
тебе остается только смотреть и наслаждаться игрой
(чувствуешь, как тает на языке),
но не вернуться;
ночью ветер желаний и оранжевые фонари <не здесь>
и действие (любое) становится обрядом.
(Не говори об этом пурпурному человечку,
он сам догадается и о рыбах, и об облаках.)
Кружится, кружится по спирали
и рыбы внутри твоего глаза и не найти.
Пусть будет имя.
<Рекламный человечек пишет его на фиолетовом.>

Нил Кэссади, Петер Фальк, Брюс Уиллис и Зигмунд Фрейд

– Да-да-да, говорит Нил, зажигает очередную зеленую сигару и поднимает бровь (у него ведь стеклянный глаз).

(Так он становится похожим на его отца, и Зигмунд берет у него спички и тоже раскуривает сигару).

В конце концов вся комната наполняется дымом, и они выходят на балкон, где сижу я.

Мы слышим, как идет электричка, и кто-то говорит, что в один из этих дней он изрежет тебя на маленькие кусочки.

– Да-да-да, говорит Брюс и достает свою пачку

(он, оказывается, стоял на балконе этажом ниже и все слышал, ведь его уши и глаза у тебя в кармане,

и твои пальцы падают очень медленно,

и ты все-таки засыпаешь,

и серебряные ящерицы несут тебя в следующее утро).

<1997>

Иди Одна

Окна смеялись,
Клоуны шли по двору;
Летели птицы.
Когда ты пришла, их было трое.
Приснилось небо -
Меня не было, играет кто-то другой.
Зверь бежал, касался мохнатым боком.
Его убили. Не осталось Никого,
Кто смог бы.
Иди одна.

* * *

Тишина ли?
Переплести слова и запахи вязью сна,
Обмана или шагом кошки в ноябре,
Когда выпадет первый снег?

* * *

Молоко. Белый день <где?> оранжевые блестки,
Которые подарила тебе мама?
Река несет к вечеру, какой сон, такое и завтра.
Сердце бьется, устало.
До полуночи – час.
Ничего, сделаешь из слов.

* * *

Ловушка, часы, которые никогда не ходили,
Взгляд и/или ночью,
Когда желтая лампа, туман и
Потому что скучно, голосом разбить витрины
Универмагов,
Чтобы тебе уже некуда было деться.

* * *

Стрелочники возвращаются.
Стеклянные поезда где сплю,
День, два и никогда не остановиться.
Из оранжевого в безрадостный за полчаса,
Где только голос и <Эм?>.

* * *

Твой <?> дом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.